

ПЕСЕННЫЙ ПЕТРОВ

Петрова родня жены не любила. Ну как-то так, не любила, и всё. В принципе, и жена Петрова (в девичестве Заковьяркина) Клава тоже не сильно любила, так уж вышло у них: встретились, погуляли и с благословения её папы и мамы, поженились. Никто из родни от быстроты происшедшего и опомниться не успел, свадьбу отгуляли шумно, неделю, и неделю догуливали, а когда протрезвели, никто опять так и не понял, как вышло, что Клава Заковьяркина – красота и гордость семьи замужем за этим Петровым!

И опять же, почему они не любили Петрова – нормальный мужик, работает, пьёт, подраться может. Вот разве что книжки читает, в театр ходит и ещё, видите ли, не нравится ему курить. В общем – тот ещё тип, не за что его любить. И два Клавиных брата – красавца, богатыря, не любили Петрова. Родину любили, Путина любили, а Петрова – ни в какую. Хотя, если разобраться, может, они любовь свою на Родину и Путина потратили, а Петров он чего – стеклодув и не курит.

Петров наоборот, Клаву Заковьяркину, жену свою, любил, братьев и всю родню уважал, даже заискивал внутренне, но внешне вида не показывал, наоборот, «соколом» смотрел, а в тайне, наедине с собой – преклонялся. Они такие матёрые, маслянистые, «соль земли», «алмазный венец». А вот Родину и Путина не сильно любил, всегда косо и криво об этом заговаривал. Бывало, все выпьют, но ещё не нальются водкой, и давай о политике. Такого наговорят, что не выдержит младший брат, встанет, да как заревёт бычком первогодкой: «Ты чё, Родину не любишь!» Это он так Петрову на все его язвительные замечания, колкости и шпильки. А Петров, дурак, так и брякнет: «Не люблю, и того тоже не люблю!!!» Но не дрались, а могли бы – все как на подбор с нижегородчины, тяжёлые люди! Ан нет, не дрались. Может, ниже своего достоинства считали бить Петрова, может, жён своих боялись, потому как жёны братьев Петрова как-то наискосок жаловали. Не любили, а как гостя заморского, жаловали – этих баб кто разберёт. И вот что интересно, Петров и либералов наших не любил: ни Дмитрий Быков, ни Шендерович и Венедиктов доверия у него не вызывали. Умный Быков, толковый, образованный, а всё мимо. И ещё думал Петров, что так они устроились; что вроде и ругают они П и Р; а сами умудряются хорошо жить на получаемое от них. Ну ладно он, простой стеклодув, а они-то всей стране свои тексты по ушам развешивают – и ничего. Была в этом, по мнению Петрова, какая-то «шабалавка».

Но рассказ не о любви, а о прадеде жены: сухоньким военном пенсионере, который не жил, а только воевал. Все войны, какие произошли за последние десятилетия, прошёл, даже, кажется, с Будённым в атаку ходил. Крепкий старичок, как орех грецкий. Семья его уважала, любила и берегла, как честь смолоду!

И вот, на праздник это случилось, совпали все: 23 февраля, 8 марта, Масленица с Крещением. Повезло, так в календаре случилось, и правительство долгие выходные россиянам выписало. Всё семейство Заковьяркиных собралось за большим столом. Петров туда не хотел идти, знал, что добром не кончится, но у него неделя трезвая случилась, суббота рабочая и даже воскресенье: большой заказ для Китая, стеклянные Чебурашки им понадобились. Работа сложная и интересная, не стакан гранённый лить. После такой работёнки выпить захотелось. А Заковьяркины для этого самая подходящая компания, Заковьяркины пить любили и умели толково, до двух-трёх ночи, если завтра не на работу. Поэтому пошёл Петров на праздник, а там и прадед оказался. В компании было миролюбиво, празднично, и захотелось Петрову спеть! Больше всего на свете любил он петь, страсть как любил, бывало, и утром поёт и вечером, перед сном. Совсем молодые ездили они с Клавдией в деревню к родственникам. Там хорошо было и дружелюбно. Возвращаясь с озера, где они с женой купались, поздним тёплым вечером подвозил их ещё один Заковьяркин, и тогда Петров встал на ступеньку «газика», открыл дверцу и давай горланить: про то, как ходят кони, да над рекою и нет им водопою. Хорошо выходила у него эта песня. Никто из родственников Клавиных останавливать его не стал, да и потом не говорили ему до поры до времени, что в деревне его пение запомнили и за глаза певуна стали называть дурачком городским. Будто не может человек так запросто ехать на машине и песни орать. А у него из сердца песня рвётся, так рвется, что рубаха на груди трещит! Но Клавка всё высказала в ссоре. Больно это резануло – не шальной он и не помешанный – Песенный. Из песни вышел, в песню и уйдёт, и земле этой чернозёмной никогда его не укрыть!

Но вернёмся к прадеду, который тоже песню любил, да только одну. Её и Петрова просил исполнить. Заковьяркины же петь не любили, и слушать их тоже. Однако, если прадед просит, то уважить надо. Потому спели они с прадедом эту песню. Тот командует: «Ещё хочу, пойте, пока не устанете». Тут-то и пригодился Заковьяркиным Петров. У него этих песен в сердце мильон, как бусинок на ниточке нанизано – снимай одну за одной. Те, что за столом были, подтянули для отвода глаз два-три припева и вернулись к своим наливкам, спорам и разговорам. А Петров для себя пел, плыл в этом песенном океане, сколь хотел. Прадед его слушал (он давно ослеп, ходил в чёрных очках), лицо старика было сурово, а в этот раз заметил Петров в прадеде перемену: натянулся старик будто струна, словно за макушку кто-то в небо тянет. Будто хочет влиться малым ручейком в эту песню, хочет раствориться в её мелодии. Словно песня последнее укромное прибежище в его бурной жизни. Петрову показалось, что через этот его песенный марафон вливается в старого воюю Жизнь. Плачут его слепые глаза, уголки губ кирпичных улыбаются.

И простил Петров Заковьяркиных. Всех простил! Хотя не любил он их, а простил! За прадеда!

Жаль только, Заковьяркины этого не заметили.

29 февраля 2020 г.

ТАНЦУЮЩИЙ КОЗЛОВ

Козлов в отличие от Петрова любил танцевать. Встанет с утра, ноги ритм поймают, и пиши пропало: завтрак, душ, горячий кофе, работа... всё пропало. Даже позвонить директору рынка не мог, предупредить, что на работу не выйдет и что если она хочет танцевать, то пусть приезжает к нему, они такую румбу зарубят – холодильник покраснеет.

За это его все любили – ведь ясно, страсть у человека, страсть, а не как-то там страстишка-интрижка. Как начинал с утра, так только когда силы оказывались на исходе, или директорша рынка приезжала, Козлов останавливался. Впрочем, не конкретно от этой женщины у него ступор происходил – от любой. словно стоп-кран внутри срабатывал. И ведь что важно, на эту свою всепоглощающую страсть Козлов не жаловался, а только посвистывал и правым глазом подмигивал: мол, знай наших, это тебе не фунт изюма, полный баклажан желаний... И как это у него всё получалось? Нигде не учился, рос скромным, незаметным ребёнком. Только вот в детстве любил почему-то в угол комнаты смотреть. Вставал с утра и смотрел. Отец расстраивался, как увидит, что сын до обеда в угол «пялится», так и запивал. Сильно расстраивался, переживал, к врачам московским возил, к бабушкам-колдуньям, ничего не помогало. Жена успокаивала, говорила: «Ну что ты, как ребёнок; другие телевизор подня смотрят или в компьютерные игры играют, а наш угол изучает, медитирует... это нормально, скоро пройдёт». Правда, прошло, и зажил Козлов младший обычной жизнью. Вяло вставал в школу, вяло учился, вяло влюблялся, вяло курил в подвале, вяло целовался. В общем, как все его ровесники... ну может чуть меланхоличней. В целом же – как все.

И даже жениться собирался, пока, как гром среди ясного неба, над городским рынком, где он своей невесте фрукты покупал, не прозвучал голос толстого милиционера: «Товарищ Козлов, там ваши отец и мать в аварию попали, поедем----те с нами на опознание... оно-опо-опо-зна-зна-ние...ееееееее». Ноги сами по себе привстали на носки, он как дикий мустанг, объевшийся овса с пивом, затанцевал, закрутился по всему рынку. Сколько волшебных ароматов смешал его «танец»: опрокинутые ящики с хурмой и виноградом, разлитые бутылки с гранатовым и вишневым сиропом... розовощёкие помидоры и жёлтые скользкие бананы... Коктейль Козлова, так назвала директор рынка госпожа Жо... (всё в её теле было большое, в том числе и душа) произошедшее. Она поняла, что произошло с Козловым – знала его по школе. Тогда он был вялым десятиклассником, она спортсменкой, комсомолкой, активисткой и заводилой 8 «Б». Своё прозвище, госпожа Жо, получила от интеллигентнейшего пьяницы – учителя труда. Но вернёмся к главному герою. Госпожа Жо вышла в центр рынка. Товарищ Козлов увидел её и остановился, но потом, подхватив её, сделал три тура вальса и упал в кукурузные початки, которые только вчера ехали в вагоне из Симферополя!!!

Госпожа Жо сделала всё необходимое при погребении! Танцующий Козлов неделю пролежал в летаргическом забытии. Придя в сознание, целых пять дней протанцевал рок-н-ролл, твист и джигу под вопрошающими взглядами врачей и медсестёр. В их глазах он явно был болен... хотя был совершенно здоров!

После больницы, жизнь у Козлова пошла другая, что ни день – он на площадке, в баре, клубе – танцует, танцует... И ничего, жить стал лучше, работу инженера забросил, устроился грузчиком на рынок к госпоже Жо за копейки, хотя вкалывал больше всех. Благодарен он был этой женщине за родителей так, что и не выразить. Однако госпожа Жо всё-таки тайно умудрялась ему побольше приплачивать, и часто по вечерам, когда затихал рынок, тайком посматривала на него: стройного, сильного, молодого. И что-то сжимало её грудь, холодея в самой сурцевине.

Случилось знаменательное событие в их маленьком городке, занесло в него на гастроли чемпиона по спортивным танцам господина Шу. Он выступал и рассказывал, что танцует с двух лет, и что не родился ещё тот, кто перетанцует его, чемпиона и ловеласа. Тут-то и закусился Козлов на этого господина Шу... Прямасть перестал. И всем жителям стало ясно – быть большой беде.

Билеты разлетелись в один день. Не подозревающей о надвигающейся трагедии госпоже Жо бабы с рынка всё донесли и даже попророче-

ствовали чуток. Выгнала она всех с рынка, закрыла его с обеда, и поехала искать Козлова. Нашла, он с ребятишками в хоккейной коробке футбол гонял, подозвала и говорит: «Козлов, я не знаю, любишь ты меня или нет, а я тебя люблю. Что ты не удумал, а сегодня весь вечер проведёшь со мной». И при этом смотрела мимо его глаз, куда-то за переносицу, большим и указательным пальцем поигрывала замком его молнии на футболке. Козлов стоял, улыбался и молчал, потому что если госпожа Жо что-то решила, то уж не товарищу Козлову было сопротивляться.

День был пыльный и жаркий, когда хоронили товарища Козлова – победителя и героя. 544 дня протанцевал он на сцене Дворца культуры, 544 дня город не спал и не работал, а был захвачен танцевальной дуэлью между товарищем Козловым и господином Шу. Весь мир съехался в этот маленький городок на берегу большой реки, весь мир видел поединок. На 521 дне сдался господин Шу. На 23 дня больше продержался товарищ Козлов, никто не мог остановить его. Госпожа Жо с начала поединка закрыла рынок, выпустила собак и только на 545 день открыла его вновь, и посетители увидели седую изящную худенькую женщину.

Город провожал своего дорого Козлова. Никто не плакал, все танцевали, весело приплясывали, вспоминая удивительные часы счастья – что подарил им товарищ Козлов. На панихиде произнесённые слова главврача больницы всем запомнились: «Да, низкий ещё уровень медицины здесь у нас в провинции. Господин Шу с металлическими суставами лежит, выздоравливает».

Если вы придёте на местный городской рынок и встретитесь глазами с маленькой, хрупкой, но сильной женщиной госпожой Бо, вам всё станет ясно...

19 июля 2020 г.

ПЬЮЩИЙ СИДОРОВ

Если один день не выпить, то в жизни смысла нет. Ничего нет... Огород городить, мосты стелить, колокола лить – с похмелья лучше, всё с похмелья лучше: рука тяжёлая, душа тяжёлая, оттого и работа делается.

Сидоров был виртуоз. Не знаю как там Венечка-Ерофеечка, а Сидоров виртуоз. Да, был, потому что как в присказке и прибаутке – «сплыл», растаял лёгким хмельком в синем небе июльском, на крыльях стрижей остроногих, улетел от нас песней не стройной, душевной, томлением обманным... зачерпнутым со дна бидона алюминиева...

День стоял настоящий летний, светлый с лёгким ветерком. Река ленилась. Ольга пошла в луга за земляникой и полоникой. Мы тоже не спали, выбирали сети на отмели. Тут-то и случилось та история, о которой потом долго мужики после одной освобождённой поллитровки до открывающейся другой рассказывали. Сеть оказалась полна рыбы: окунь, судачок, плотва, подлещик, щучки – все масти в колоде. Играет рыба, нежится в шёлковых руках, да там, где омуток намечался поглубже, где сеть уходила в воду и по-особому юлила, Сидоров сказал: «Вдохновенно тянет». Именно тянет и тяжело там в воде держит. Не призывно, не рвёт, не норовит выскользнуть, а по-бабьи зазывает. Мы с Сидоровым протрезвели даже. Я собрался мужиков кричать на подмогу, да Сидоров крепко приложил меня и сказал: «Наш это с тобой день», и даже голову назад запрокинул, в небо крикнул: «Моё!» И сеть ослабла, повисла вдрут между водами и тихо, плавно как бы во сне с замедленными движениями всплыла. Я-то ждал рыбу, думал, ну точно хороший день. И настроение хорошее, и рыбалка должна быть весёлая, неожиданная, праздничная... Ан нет, не рыба, а всплыла большая чёрная четверть; всплыла и заволновалась круглыми боками, заплясала на небольшой окской волне. Я не сразу осознал, что это бутылка. Щурясь от солнечной ряби на воде, подумал – чёрный здоровый налим или, может, сом. Но Сидоров сказал: «Чёрная четверть – это! Вот и она...»

- Что? – переспросил я.
- Сволочь чёрнобрюхая, тяни её помаленьку, а то уйдёт.
- Кто? – снова спросил я.
- Она!!!! – ласково поглаживая волосы, ответил Сидоров.

И мы вдвоём, нежно, тремя перстами, как леща осеннего, потянули это существо к берегу. Подтащив «чёрную четверть» к берегу, не почувствовали её вес, хотя была полнѣхонька: горлышко залито коричневым сургучом, на котором отпечатан российский имперский орёл и надпись «Питейный дом № 0». Мы аккуратно уложили четверть на дно плоскодонки, укрыли дырявым ватником.

- Так холодней будет, – резюмировал Сидоров.
- Теплей, – попытался рассуждать логически, поправил я.

На что Сидоров засмеялся, бутылка качнула лодку, да так, что чуть не опрокинула нас. Так мы и везли нашу чёрную пленницу, булькающую тушу к берегу, стараясь плыть как можно ровнее.

Оставим на время этот странный улов и вернёмся к Оле, которая пошла в луга за земляникой и полоникой. Она была удивительная, дружила с Сидоровым и не пила совсем, никогда и ни грамма. Вот такая была у Сидорова девушка – остроумная, любвеобильная и ягодница. Встретились они с Сидоровым на заводском слёте туристов – кто хотел, тот и ехал на него от цеха. Сидоров поехал, потому что компания собиралась отличная, а Оля, потому что по ту пору ягод уродилось много. Как-то вечером Сидоров не пил, сам не зная почему. Предчувствие что ли какое подсказало. Сидел у костра дежурным, разогревал кашу перловую с тушёной и чайник: туристы должны были вот-вот подойти. У них эстафета была, а Ольга заболела, и ждала чая горячего с земляничным и смородиновым листом. Сидели они так в тёмном лесу у костра и разговаривали о самолётах. Пахло тушёной и салатом из свежих огурцов. Оля спрашивала Сидорова о новом космическом самолёте, который разрабатывал их завод, точнее о космическом «челноке» многоразового использования. Сидоров ничего не знал. Он сидел и молчал. Он не знал, что есть Космос! До этого Сидоров был уверен, что земля плоская и стоит на трёх больших черепахах. Узнав об этом, Ольга на несколько минут онемела, а Сидоров с самым серьёзным видом начал доказывать, что земля должна быть плоской, точно такая, как на картах рисуют. Он видел глобус и готов признать, что Солнце – звезда, Луна, Венера, Марс и Меркурий круглые. Да много чего на Земле круглого, но ведь много и плоского. Земля должна оказаться плоской, поэтому и космос Сидорова не занимал; а вот похмелье или опьянение – эта штука посерьёзнее вселенной будет...

И Оля не смеялась над ним, странным артефактом Сидоровым, потому что, как сказал Сидоров в конце спора: «Пока я трезв, я – округл! А как только выпью, особенно утром, получается чёткая двухмерная плоскость» – пояснил он Оле. – Просто мы (он имел в виду учёных людей) не смогли в физическом смысле разгадать эту великую загадку – факт преобразования шара в плоскость. В принципе, геометрия это легко делает, а вот физики пока отстают». Так прямо и сказал – отстают физики, притормаживают. Потому что слишком много усилий уходит на доказательства: сначала ньютоновскую идею долго принимали, потом Эйнштейн подвинул понятие времени – и с этим надо как-то всем сжиться. А тут ещё физические тела обретают какую хочешь форму без всякого спроса – это для человечества слишком.

Оля молчала, смотрела большими карими глазами на Сидорова, а тот смотрел на звёзды. Потом Сидоров долго смотрел на Олю, а она непонятно почему смотрела на звёзды... Потом вместе смотрели на костёр, на звёзды и когда, наконец, посмотрели друг на друга... пришли братцы туристы и один из них, хлопнув Сидорова по плечу, крикнул: «Надо выпить за победу в межотраслевой парной эстафете!» – Сидоров не откликнулся на это предложение – первый раз в жизни.

Позже ужинали, выпивали, обсуждали судейство, произносили то-сты, громко кричали, пели. Обычно в таких случаях Оля уходила читать в свою палатку, но в этот раз осталась. Когда стало светать и они остались одни у догорающего костра, то снова посмотрели в глаза друг другу, встали (Оля быстро, по деловому, Сидоров чуть вяловато), взяли одеяло и пошли на берег большого озера, у которого по всей его тихой плоскости поднимался мягкий дымный туман. Было по-утреннему свежо, лес, как купол, готов был наполниться и усилить любой звук. В том числе человеческого парного дыхания...

Плоскодонка стукнулась в берег, бутылка лежала смирно, как бы задремав...

– Это чего у вас там? – спросили братья алкоголики.

– Чёрная четверть, – задумчиво произнёс Сидоров.

– Чего? – переспросили его.

– Ничего, а кто, – неспешно поправил Сидоров, – спускайтесь сюда, возьмите верёвку, бензин и по соточке, а то во рту пересохло!!!

Все обступили неведомый предмет, хотя выглядел он, как обыкновенная четверть, только что-то в ней было подозрительное – она глянцево чернела и была... невесома. Это точно артефакт. Выпив и наскоро закусив свежим огурцом, покурив, поинтересовались у Сидорова, за чем верёвка и бензин? Поднять четверть наверх по крутому склону на 100-150 метров труда не составит. «Донесём!» – проорали мы. «Несите», – ухмыльнулся Сидоров. Мы, пять мужиков, не смогли сдвинуть её и на сантиметр.

– Во! – сказал Сидоров, – никто её не поднимет на берег, у воды она – пушинка, в воде – пушинка, а в метре от воды – тонна.

– Так давайте здесь её уконтрапупим, – предложил инженер Серёга.

– Не получится. Надо её к столу затащить... только нужна концепция...

Прям так и сказал Сидоров – концепция нужна. Мы выпили ещё три бутылки, искупались, пришла Оля и сказала, что сейчас нам на закуску сделает овощное рагу с земляникой и полоникой. Мы сели вокруг чёрной четверти. Концепция рождалась долго: вечер, ночь, утро, день и вечер следующего дня. И вдруг утром через день осенило:

– Эврика! – воскликнул Сидоров, – Что такое тяжесть? Это сила равная масса умноженная на g , а g – это 9,8 км/с.. и т.д. Силу притяжения мы изменить не можем?

– Нет, – хором ответили мы.

– Точно, а вот массу мы сократить могём.

И тут мы заорали так, что Оля выглянула с откоса и спросила:

– Что всё, по домам?

– Нет! – заорали мы, ещё более, – мы могём! А как дальше?

– Я думаю так. Это жидкость ниоткуда не выходит и никуда не уходит, это constмира...

Мы охнули: «Вот она твоя ядерная концепция?»

– Да. Но не спешите. Мы русский народ. Куда бы часть этого народа судьбой не забрасывалась, она всегда стремится соединиться с целым. То есть части как бы не существует в принципе. Часть есть на день, на два, на год, даже на десятилетие... Но это ведь для нас время, для нас, живущих сейчас, а для const времени нет. И если моя логика верна, то форма «чёрной четверти» не отделима от содержания, и значит, – тут Сидоров ловким точным движением сбил коричневый сургуч с российским имперским орлом, и вся жидкость из четверти вылилась в мокрый прибрежный песок.

Мы охнули, кто-то подставил ладонки и набрал этой жидкости. Мы попробовали и – это была вода водой, с лёгким послевкусием малосолевого огурчика! Сидоров взял пустую «чёрную четверть» и легко понёс её наверх к нашему большому гостеприимному дощатому столу. Я, да и ребята, оказались озадачены. Но дальше было ещё чудеснее, Сидоров

запретил пить и на наших страждущих глазах вылил весь алкоголь. Гул неодобрения, руки сжались, глаза щурились не от солнца, вены вздувались на шеех.

– Вы мне верите? – крикнул пьющий вождь и учитель Сидоров.

– Да, – ответила Ольга, – я тебе верю, – сказала она и заплакала. Она горько, искренне заплакала, капли слёз бежали чистыми хрустальными ручейками по её красивому молодому лицу. Мы ещё не знали того, что открылось в эту минуту её верному, доброму, любящему сердцу, а не нашим сухим, надтреснутым похмельным сердцам. Мы растерялись, и уже не хором, а в разноголосицу, стали отвечать: «Ну да... А то... Ну а как же... Что ты...»

Вечер тихий, немногословный, почти никто ничего не ел. Только Ольга сидела рядом с трезвым, во второй раз в своей сознательной жизни, Сидоровым и пела песню. Я запомнил эту песню, потому что именно её любила петь моя мама:

*На улице дождик, землю поливает
Брат сестру качает
Будешь ты большая
Отдадут тебя в жёны
Отдадут тебя в жёны во семью большую...*

Ночь прошла в тревоге, словно мы все сидели в холодном мёрзлом окопе. Что-то страшное вставало в недалёком будущем. Даже милые звёзды сегодня были холодными, острыми осколками ранили глаза и души. Все забылись перед рассветом в страшном сонном томлении...

Заспали долго, до обеда, но когда все потихоньку выползли к нашему столу – во главе накрытого белоснежной скатертью и заставленного разного рода разносолами и закусками сидели во всём белом Сидоров и Ольга. С другого конца стола стояла блестящая глянецом «чёрная четверть» с заваренной сургучом пробкой, на которой был отпечатан герб Советского Союза.

– Садитесь, дорогие мои, «чёрная четверть» ждёт вас. Михалыч, открывай и наливай.

Михалыч человек не молодой, с претензией на мудрость. Он подошёл, ухмыляясь, к четверти, попытался её поднять, чтобы налить как полагаётся, но его белые от натуги сильные крестьянские пальцы убедили нас в словах Сидорова, что она, эта «чёрная четверть», воссоединилась со своим прежним содержанием и всё, что говорил и концептуализировал наш дорогой и любимый вождь и учитель пьющий Сидоров, оказалось сущей правдой. Она, «чёрная четверть», цела и полнёхонька со всей своей многотонной тяжестью и нескончаемостью!

Завтрак завертелся ошалело и огненно, закружился нашим Бородино, всё так же мощно разлился в обед, потом в ужин и дальше по кругу. Гулял и пил весь берег, все близлежащие деревни и сёла, все, кто проплывал по реке, проезжал по дороге, пролетал над нами – были гостями нашего стола. Закуски не кончались, застолье продолжало кипеть и бурлить. Содержимое «чёрной четверти» не уменьшалось ни на йоту, как бы мы ни разливали её содержимое в кружки, в стаканы, в рюмки, наливали из неё всем гостям в канистры и другие ёмкости с собой, содержимое не кончалось. Дольше всех за столом держался Сидоров. Мы поменьше отпадали от стола на сон, рыбалку и прочие человеческие надобности, потом снова возвращались и «гудели» до утра с песнями и плясками под гармонь. Бутыль оставалась всё такой же неподъемной, такой же тяжелой и чугунной, как и раньше, но жидкость, которую мы разливали по нашим стаканам, оказывалась невесома, легка и пила просто, но не была водой, а как какое-то космическое топливо, как какая-то неизвестная науке жидкость, отменного качества и вкуса, причём каждый различал в ней свой любимый вкус. Мне она слегка отдавала виноград-

ной водкой и чуть-чуть самогонкой, а Михалыч настаивал на чистейшем вкусе бабкиного самотона.

Дни летели, погода стояла удивительно тёплая со свежим ветерком и лёгкими белыми тучками. Не помню, сколько длилось и было ли это явью или только коллективным сном. За столом все превратились в большой разговаривающий, веселящий котёл – от министров и редакторов крупных газет, до трактористов и случайных рыбаков, отдыхающих, учителей, токарей, сантехников, председателей колхозов и заседателей совета народных депутатов, членов обкома, комсомольцев и комсомольских вожаков, девушек, женщин, бабушек и дедушек, гаишников и народных артистов, бухгалтеров всех мастей, и товароведов... нам всем было невероятно легко! Но тот день, который мы не знали, но который тогда явственно увидела Ольга – настал. «Чёрная четверть» стала пустеть, но как заметила позже, не от того, что мы из неё пили, а от того, сколько пил из неё Сидоров.

Вот последние капли напитка нацедились в стакан нашего вождя и учителя, и тут он сказал последний тост:

– Друзья, други и подруги, люди, звери и птицы, берега моей реки, голубые глаза моего неба, речка, реченька-красавица, ветерок – моё дыхание, говорю вам: вы единственное, что я любил в моей жизни... и люди... И мою многострадальную Родину... Ольга, Оленька – сердце моё, душа моя, прости меня, что не смог я отделить эту любовь и отдать её тебе одной... Я был – я! Поэтому «четверть» оказалась здесь, со мной. Я люблю всех вас...

Мы не слышали всех слов. Только видели, как взлетел пьющий вождь и учитель Сидоров над нами, над столом, над рекой Окой, над Ольгой и растворился в солнечном блике света, звякнув нам на прощание семистами семьюдесятью семью гранёными стаканами... и «чёрная четверть» тоже незаметно исчезла...

P.S. Ольга стала моей женой. Я не всё помню, что происходило тогда, в те достопамятные времена. Но как мог с её слов записал верно.

Подпись.... Число... Дата....

10 ноября 2020 г.

МАТЕРШИННИК ИВАНОВ

Уникальный человек Иванов – всё время разговаривает только матом. Он мой лучший друг, хотя совсем не пьёт, даже пива. Вам трудно поверить, что он разговаривает матом, слова же обыкновенные случаются в его речи. Отвечу прямо – нет! Даже когда родился, акушерка Мария Ивановна, которая в этом маленьком городке принимала роды у всех, говорила под лёгким хмельком самым доверительным людям: «Сквозь крик новорождённого я явственно слышала – да пошли вы все...» Ей никто не поверил, потому что в этом предложении только одно матерное. Я бессилён передать тот огромный словарный запас, которым пользуется Иванов. Дело не в том, что на каждое слово у него есть матершинный синоним, а что одно его слово порой вмещает всего «Гамлета»... честное слово! И это не низкая культура Иванова – это его дар! И ещё в его защиту я скажу, что он самый начитанный человек нашего городка... Хотя часто жалуется, что у Чехова, он многого передать не может в одном слове, что для Антон Павловича надо всё-таки минимум предложение. Ещё в чём особенность его речи: только на первых трёх словах вы замечаете, что он матерится, а потом, когда разговор у вас завязался, то вы прекрасно понимаете друг друга. Хуже тем, кто приехал из-за границы. Эмигранты, так те как бы глохнут на время. Феномен странный и наукой не исследованный.

Жил бы и жил Иванов своей суперфонетической жизнью, да слухи до Москвы дошли. Долетели дорожками не позабытыми. До учёных музеев слухи доползли. Это им подсказывало, что тут-то и кроется Великая

Начальная Русскость – тот искомый феномен, который все ищут и никак найти не могут. Но не получалось у учёных московских уговорить Иванова лечь на обследование в лучшую клинику столицы. То обматерит их всех, то такое задвинет многоэтажное, что ребята учёные только руки разводят и мычат невразумительное. На диктофоны, видеокамеры и т.п. ерунду записывают, а при прослушивании только слышится монотонный речевой шум. Два месяца промучились – ничего не вышло, грант попусту тратится. Приехали... уехали... снова приехали и снова уехали. Иванов так же вечерами в парке на скамейке мужикам «Войну и мир» на могучем родном пересказывает.

И случилось по ту пору небывалое. Шёл Иванов на автобус через мост, но вдруг остановился, встал прямо посередине моста и никуда. Машины сигналият, а он стоит, как столб, не шелохнется. Испугались люди за Иванова, уж в ту пору в городе туристический бум разворачивался, прославился Иванов на всю Россию, и город свой прославил. Подбежали люди к Иванову, просят сказать, что с ним. А он молчит, потом посмотрел на всех как-то свысока и пошёл дальше, а за ним все машины, мотоциклы, трактора, автобусы туристические тронулись не сигнала. Понимают, что задумался над чем-то Иванов, и серьёзно. Четыре километра шёл по дороге Иванов, транспорт как стадо послушное ехал за ним – тихо и молча. Потом сошёл Иванов с шоссе и всем рукой помахал. Тут весь город задумался не на шутку, вроде как все этой думой от Иванова заразились. Пускай бы там ещё взрослые, а то ведь и дети, даже новорождённые народятся и молчат. Главное, умно так молчат.

Беспокойство охватило всю округу, только не жителей города Подорожник. Трава такая есть, её на ранку прикладывают, чтобы кровь остановить. И вот подорожниковцы замолчали... Все! Тишина в городе, ни тебе лая собак, ни крика галок и ворон, ни пенья птиц: причём вся эта живность из города не исчезла, а наоборот – прирастать стала. А Иванов не сидит ни в парке, ни на берегу любимой реки, ходит по городу, за городом, по набережной, а потом встанет и молчит, и все в городе встанут и молчат.

Иванов и жители молчали год. Город в кольцо спецслужбы взяли, товары завозили без задержки, дороги и мосты отремонтировали, капитальный ремонт домов и всех учреждений сделали, построили бассейн, стадион и даже театр эстрадных миниатюр. По всем центральным каналам, каждый день начинался со сводки: подорожниковцы молчат 360 дней, 361 день, а дальше уже другие новости. И стала складываться какая-то странная тенденция: сначала район, а потом и вся губерния, весь округ и ещё бы чуть-чуть и вся страна, а там глядишь и весь мир, наш великий и безбрежный погрузился бы в тишину и задумчивость, но этого не случилось. Ровно через год, день в день, час в час, минута в минуту, секунда в секунду стоял Иванов на понтонном мосту, и почти весь город стоял там же. Все были взволнованы и празднично одеты. Тихо, только вода под понтонами плескается, как ладошками в железные борты похлопывает. Иванов улыбнулся людям и как рывкнет!

Не могу по цензурным соображениям написать то слово, и в ответ всего города, района и губернии и других, кто присоединился к всеобщему молчанию. Канаты на мосту не выдержали своего железного молчания. Молчавшие год клаксоны, гудки пароходов, поездов и машин одним оглушительным рёвом взвыли в стоячий до сей поры воздух. Выстрелили, разорвались натянутые жилы моста, сорвался понтонный мост со своего обжитого места и поплыл с подорожниковцами и Ивановым по течению Оки. Зазвучали песни с этого моста. Люди, что стояли на берегу, улыбались и плакали, провожая взглядами большой коричневый понтонный мост, как живой ковчег с Ивановым.

И долго ещё пел этот неунывающий мост. Плыл он по реке, и люди выходили на берег, провожали и махали ему вослед руками.

25 ноября 2020 г.